

Дмитрий Лихачев

Память культуры

Из писем о добром и прекрасном

...Экология не должна замыкаться только задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живёт не только в природной^ среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности...

...Краеведение воспитывает любовь к родному краю и даёт те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах.

Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и «это их дело», не наше. Мы сами должны быть интеллигентны, культурны, воспитанны, понимать красоту и быть добрыми — именно добрыми и благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков всю ту красоту, которую не кто-либо другой, а именно мы не умеем порой опознать, принять в свой нравственный мир, хранить и деятельно защищать.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живёт. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за всё мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении...

Юрий Афанасьев

Сказка о добром сердце

...Старые люди рассказывали: были у одной женщины дети. Старшая дочь — уже совсем большая, с толстой чёрной косой. А младшая — видно, от солнца родилась, до того рыжая, что мать её так и назвала — Рыжей. Не совсем Рыжая походила на человека: вместо косы на голове—рога, на ногах — копыта. Да и редко кто слышал речь её. Но матери-то разницы в дочерях не было...

Подбежит Рыжая к старшей сестре и просит взглядом выйти на зелёный мох поиграть. Рассердится сестра, толкнёт её в бок и скажет:

— Похожая на урода, зачем ты нужна мне?

Длинными косами тряхнёт и уйдёт в стойбище к другим девушкам. Весёлый смех слышится с улицы. Встанет Рыжая около входа в чум, и большие глаза тоской заполнятся. Так и стоит целый день.

— Постарайся быть доброй, — просит мать старшую дочь. — Нельзя быть злым к слабым.

Фыркнет только дочь и бросит в Рыжую старой костью.

Наступила зима. Вьюги пришли в тундру. Через дырявые шкуры ветер свободно ходит.

— Дети, — говорит мать, — сходите в лес за дровами. К старости ноги перестали меня слушаться.

Рогами и копытами Рыжая достаёт из-под снега хворост, складывает в кучи. А старшая бежит по лесу, ищет самое толстое дерево. Когда нашла, подозвала Рыжую.

— Пока я отношу хворост, — говорит она, — ты покараулишь это дерево. А чтобы не потерялась, я привяжу тебя к нему.

Сделала так и сама убежала домой.

— Где же Рыжая? — спросила мать.

— В лесу осталась, — пряча глаза, ответила дочь. Мать заплакала и ничего больше не сказала.

Долго не возвращалась Рыжая. Наконец, пришла и приволокла по земле огромное дерево.

— Где ты была, Рыжая? — обрадовалась мать.

— Попросила меня сестра принести это дерево, — отвечает она. — Теперь дров нам на всю зиму хватит.

Блеснула совиными глазами старшая сестра и натянула на себя плотнее шубу-ягушку. И все равно дрожала, не могла согреться от страха: вдруг Рыжая всю правду расскажет матери? Но Рыжая молчала.

Вот снова просит мать:

— Дети, сходите наловите рыбы. Мои руки не держат пешню.

Пришли они на то место, где ловят рыбу, выдолбили прорубь. Поддела Рыжая на свои рога гимгу — сетку из прутьев — и стала опускать в воду. Говорит старшая сестра:

— Ты покарауль гимгу, рыбу в неё загоняй, пока я за рукавицами сбегаю!

Толкнула она Рыжую в прорубь, а сама убежала домой.

— Где же Рыжая? — спросила мать.

— Откуда мне знать? Наверное, рыбу загоняет в гимгу.

Опять заплакала мать и опять ничего не сказала. Долго не возвращалась Рыжая, наконец пришла. А на рогах у неё в гимге бьётся большая рыба — нельма.

— Где ты была, Рыжая? — обрадовалась мать.

— Попросила меня сестра поймать самую большую рыбину, — отвечает она. — Теперь нам на всю зиму хватит еды.

Сидит сестра в углу чума, злыми глазами смотрит на Рыжую. И только думает: не сказала бы Рыжая матери правду. Но и на этот раз Рыжая смолчала.

Заболела мать, который день не подымается с постели. Пригласила шамана. Привязал шаман-колдун к верёвке топор, качал его, бормотал про себя всякие слова, визжал, советы давал. На стол, что было вкусного, ставили. И всё шаман съел. Но матери не стало лучше.

Пришла весна, и духи тайги взяли к себе мать. Поплакали старшая сестра с Рыжей, но слёзы их родными не сделали. С утра до вечера заставляет старшая работать Рыжую. Только ночью и бегала она на могилу к матери.

Однажды пришёл в чум из тайги чужой охотник. Отбил колотушкой с кисов снег и снял малицу. И так сказал он старшей сестре:

— Трудная дорога сюда была. Большого волка встретил. Следы на теле заживут, а малицу зашьют добрые руки.

Не терпится старшей сестре побегать в стойбище к девушкам, рассказать о госте. Второпях схватила она иглу — все пальцы себе исколола. Бросила тогда иглу, замазала дыры на малице глиной и убежала к подружкам. Надел охотник малицу, постоял около костра — высохла глина и отвалилась.

Говорит охотник Рыжей:

— Может, ты поможешь моей беде? Притронулась Рыжая к иголке — вместо копыт руки

появились. Встала, чтобы подать малицу охотнику, — рога отпали и шкура с неё сползла.

Прибежала старшая сестра — понять не может. Стоит перед ней красивая девушка. Кто такая? По большим глазам узнала она Рыжую. Почернело от зависти лицо старшей сестры. А охотник стоит, мнёт в руках малицу. Горло сухим стало — не верит чуду.

—Будь моей женой, — наконец сказал юноша младшей сестре.

Он простил обиду старшей сестре и повёз обеих в своё стойбище.

Едут они тайгой, проезжают то место, где Рыжая была привязана к дереву.

—Когда мы ходили за дровами, — сказала младшая сестра старшей,—ты оставила меня здесь на съедение голодным волкам.

—Кар-р, — ответила злобно старшая сестра, и тело её покрылось чёрными перьями.

Подъехали они к проруби, где рыбу ловят, и сказала младшая сестра:

—Помнишь это место? Здесь хотела ты меня утопить!

—Кар-р-р! — ещё злее откликнулась старшая сестра, и руки у неё превратились в крылья. Вороной взлетела она на дерево. — Кар-р! Кар-р! — прокричала на всю тайгу.

С тех пор и летает ворона в стороне от человека, над головой её никогда не увидишь. Завистливые да злые глаза не прямо, а сбоку смотрят...

Иван Ермаков

О чём шептал оленёнок

Отрывки из сказа

Детинка с сединкой везде пригодится... В Крыму гостил — яблоки окапывал, за Байкалом — внучонка доглядывал, а в Заполярье... впрочем, здесь сказ не на час. Заболела в школе-интернате ночная няня. А на Севере с кадрами дело известное. Недостаёт народу. Пришлось учителям ночами дежурить. Не оставишь же ребяташек безнадзорными. Один вечер, гляжу, и мой собирается — сам директор школы... Ну, гость, гость я у него, а надо же и гостю совесть чувствовать.

—Ложись-ка, — говорю, — Владимир да спи. И так ни дня, ни ночи. И учителей своих больше не тревожь. Пока живу — подежурю.

—Ладно ли будет? — замялся сын.—Женская должность... Да и тебе докука. Неудобно.

—Всё ладно, всё удобно, — твержу. — На рогожке си-дючи, о соболях не рассуждают.

И стал он меня инструктировать. Ребятишки, поясняет, в интернате разноплеменные. В основном ненцы, а там дальше и ханты есть, и манси, и селькупы, и коми, и татарчата. Есть и лервогодки. Только-только из тундры. За этими особо доглядывать наказал. <

И вот в первый же вечер обзавёлся я на старости лет новым прозвищем. Набегает на меня один оголец и при всей ребячьей массе спрашивает:

—Дедушка Нянь! А вас как зовут?

—Алексей, — говорю, — Елисеевич.

Дудки, брат! Не прижился «Алексей Елисеевич». Глаза свои чёрные узкие щурят на меня, бесенята, и со всех сторон зудят:

—Дедушка Нянь, который час?

—Дедушка Нянь, в окошко глянь!

Постарше возрастом на розыгрыш меня берут, а нулевички, которые по первому году русский язык изучают, — эти от чистосердечности.

— Дедуска Нянь, ты зубы цистись?

Ну, я смирился. Пусть Нянь буду. Лишь бы порядок вёлся.

А порядок какой?.. Вспетушатся — разнять, пристрожить. Вовремя спать уложить. В умывальники воды налить. А в самое ночное время и сторож я, и доктор, и пожарник... ну и побудить ещё некоторых обязан, дабы не «нарыбачили».

Заприметился мне в первый же вечер ненецкий парнишка один из нулевого класса. Петя Поронгуй звать. В умывальнике холодной водой на себя плескал, визжал при этом. Полведра воды извёл, а глядельце своё на сон грядущий так и не удостоил сполоснуть. Черноголовый, черноглазый, зубки, как у песка, востренькие, беленькие, нос пуговку сплюснутый — словом, мальчонка весь в свою нацию. Я бы, может, с первого вечера его и не заприметил, если бы той же ночью разговор у нас с ним не состоялся. Обходил я потихоньку спальни, и заскрипи вдруг дверь. Он как подхватится, как встрепещется! Глаза диковатые, удивлённые и не на меня смотрят, а мимо да сквозь — вдаль куда-то[^]

—Чего ты соскочил? — спрашиваю.

—Ко мне... ко мне Тибу сейчас приходил, — на дверь всё смотрит.

—Это кто — Тибу? Сродственник?

—Оленёнок мой.

Вытер будто бы на школьном крылечке четыре скорых своих копытца и, звонко поцокивая, похрустывая ими, взобрался на второй этаж. Одну дверь понюхал, другую понюхал — в третью вошёл. Одного парнишку понюхал, другого понюхал — третьим Петя оказался. И зашептал, зашептал оленёнок горячими мягкими губами в Петино ухо. О чем шептал — не помнится, куда сбежал — неведомо.

Когда Петя вскочил, он уже в дверях мелькнул. Только белый короткий хвостик показал.

Потрогал я у парнишки лоб — нормальный лоб. Приласкал его, успокаиваю:

—Здесь ведь не чум, а школа... А оленей в школу не пускают. Ни-ни! И разве догадается олень вытереть ноги, снег с копытцев сбить? И разве умеют олени ходить по лестницам? Подумай сам! Сон это тебе приснился, детка. Грёза.

—Честны октябрятское, приходил! — заклинается мой нулевик. — Вот сюда потихоньку разговаривал, — на ухо себе указывает. — Целовал немножко... Силюнявый...

—Ну ладно, — твержу ему. — Ладно. Верю. Во сне каких только чудес не происходит! Скучаешь, видно, вот он и приходит, оленько твой. А ничего с ним не случилось. Живой да весёлый, скачет да пляшет.

Заулыбался. Шепотком, сколько по-русски владеет, принялся мне про своего любимца рассказывать.

Мать у оленёнка, оказывается, волки разорвали. Стал он «авкой». Так ненцы оленьих сироток называют. Их запускают погреться в чумы, ласкают, надевают на шею звонкие весёлые колокольчики. В первый же день Петя скормил сиротке целую банку сгущённого молока. Частично, конечно, сам съел. Кое-что по щекам да по носу размазалось. Пустяк совсем. Оленёнок за два зализа всю эту сладость с него языком смыл. Петя даже пободался с сироткой, чтоб не очень он по матери тосковал. А теперь вот сам Петя тоскует. К 8 Марта воспитательница Нина Александровна письма мамам писала —Петя наказал своей: «Поцелуй моего оленёнка, моего Тибу. Семь раз поцелуй».

Шептался, шептался — уснул, наконец, мой оленевод.

А на другой вечер невесёлый, белых зубок не кажет. Ходил, ходил неприкаянный, потом достал из своей тумбочки ком пластилину, лепить принялся. Оленёнка, говорит, леплю. Тибу своего. Вокруг тумбочки все эти селькупы, ханты, манси, ненцы, татарчата сгрудились. Наблюдают. Советы дают умные. Голова, туловище, хвостик куда с добром из-под Петькиных пальчиков формируются, а с ногами полная неустойка. Вылепит тоненькие, какие бы и

полагались оленёнку, они его сдержать не могут. Давит их туловищем. Крендельком подгибаются, в стороны их разводит. Олешек, бедный, то набок свалится, то, как богомолец, на колени опустится, а с третьей попытки и вовсе на хвост сел. Наблюдатели до живой слезы ухахатыва-ются. Где же это было видано в тундре, чтобы олень на хвосте сидел! Сделает Петрушка потолще ноги — опять неладно. Со слоном оленёнка начнут сравнивать. Или со школьным бухгалтером Захаром Захаровичем, который одышкой страдает. Востроглазая публика! Терпел, терпел мастер разные реплики — рассердился. Шлёп своё искусство по носу, шлёп по хвосту — кикимора получилась. Спрятал пластилин, спать улёгся.

На другой день заступаю на дежурство — опять лепит. И опять ноги.

Глядел я, глядел, говорю:

—Каркасик, Петя, надо изготовить. Из проволоки. Тогда у тебя и ноги, и роги в пропорцию получатся.

—У оленят рогов нет, — заулыбался он над моей обмолвкой.

—А в каком ты его образе хотел вылепить? — спрашиваю.

—Что — образе? — не понимает.

—Ну... на бегу, на скаку, в игре, в драке?

—В драке! — глазёнками сверкнул.

—А как оленята дерутся? — испытываю.

—Передними копытцами дерутся.

—Хорошо! — говорю. — Будет тебе завтра каркасик. Через неделю подвожу к Петькиной тумбочке сына

Владимира. — Показывай своего драчуна! — мастера говорю. Покраснел, застыдился, но достаёт.

— Вот... Тибу мой...

Оленёнок предстал как природный. На задних копытцах напряжился, вздыбился в боевой позиции. Белый короткий хвостик вот-вот оживёт, задрожит... Ноздри раздутые, лихие. Не то чтобы злые или свирепые, а так... ребячьи. Простодушные. На игру склонные. Головка на спину запрокинута, а ушки начеку. На груди бубенчик. Передние копытца до того игровито в подвысь взнесены, что, кажись, стукнет он ими сейчас парнишке в кухлянку, и затеется та развесёлая кутерьма, по которой долго тоскуют в школах нулевички-ребята, а в тундровых чумах их дружки — авки-оленята. ^

—Ты посмотри, как он душу живую схватил... подстерёг! — восхитился Владимир. — Это же птица на взлёте!

—Это Тибу, — Петрушка его поправляет.

—Тибу? Тибу... Как же это на русский переводится? — обернулся Владимир к старшеклассникам.

— Попрошайка, — отвечают.

По словарю проверил, и точно — Попрошайка.

— За что же ты такого красавца Попрошайкой назвал? — спрашивает Владимир у Петьки.

Оказывается, есть за что. Чистенький, сытый, красивый... Все его в чуме балуют, лакомят, ласкают. Ну и пристрастился. Перед Петинной мамой храпит, танцует, слюну вожжой пускает: «Дай моему языку сладкий кусочек!». Сестрёнку Катю бодает: «Добром отдай лакомство!». У Пети по целому часу обнюхивает рукавички: «Не запрятана ли там печенюшка? Не припасён ли там кусочек сахара?». И только к папе не подходит. Подходил, а потом перестал. Папа заложил Попрошайке за нижнюю губу щепотку табаку. Думает, если самому вкусно, то и оленёнку. Не-е-ет! «Сам соси табак, папа Поронгуй!».

Недели через две засадили Петькиного оленёнка в фанерный ящик, провазелиненной ватой со всех сторон обложили, и полетел его Попрошайка-Тибу

на выставку всяких ребячьих поделок. Мастер рад. Просит меня собачий каркасик ему изготовить. Как вольная минутка — за пластилин. Лепит и тут же песни по ходу сочиняет. Когда собаку выделывал, про куропаточью охоту пел:

«Э-эх, возьму я капроновые петельки.

Э-эх, уйду я далеко в тальники.

Э-эх, зимой снежной птице-куропатке

Не добыть, не поймать жучка-червячка,

Не достать из-под снега сладкой ягоды,

Только почки тальника она ест...».

Час сидит — час будет петь, полтора — и на полтора песен хватит. Тут и как он петельки настораживал расска-жется, и как, чтобы сова куропаток на расклевала, он капкан на вершинке хорея, в снег воткнутого, установит, поведается.

Э-эх, ты хитра, сова, ты мудра, сова,

Э-эх, а Петя Поронгуй хитрей тебя:

Выну из капкана коченелую

И отдам собаке: «Ешь, Дунайко!..».

Иван Истомин

Встань-травя

Главы из романа «Живун» I

У больного Ильки было много разных игрушек. Сде-' лал их отец из дерева: конь с выгнутой шеей, лодки с вёслами, пароход с мачтой и трубой. Был даже блестящий стеклянный шар. Но всего больше любил мальчик ваньку-встаньку, подарок дяди Пранэ.

— Дивная игрушка, — хвалил дядя Пранэ. — Как ни положь — встанет. Во, гляди, — и опрокидывал ваньку-встаньку. Но едва дядя отнимал руку, разрисованный деревянный человек вскакивал. — Недаром он ванька-встанька. Вот и ты тоже встанешь на ноги, коли стараться будешь.

Илька не расставался с игрушкой даже ночью. Привёз её с собой и в Вотся-Горт. За долгий летний день кем только не бывал ванька-встанька: и всадником, и солдатом, и капитаном, и рыбаком.

А уж как старался мальчик перехитрить деревянного человечка, уложить его.

— Вот какой ловкий, — изумлялся Илька. — А я вот не могу встать. Стараюсь, стараюсь — и не могу.

— И не встанешь никогда, — безжалостно донимал черномазый Энька. — Ты — Илька-сидячка, а встанька — я. Энька-встанька. Во! — и, вскочив на ноги, он принимался прыгать, кривляться, дразнить: — Ты не можешь! Ты не можешь!

Илька терпел это, сносил. Но однажды заплакал горько-горько.

— Мама! Мама! Почему я не встанька? — всхлипывал он.

Еленя сидела на корточках у раскрытого сундука и перебирала вещи.

— Ой, не знаю, детка! Богу, видно, так угодно, — голос у неё надломился, она припала на край сундука, в беззвучном рыдании уткнула лицо в маленькие ярко-синие чулочки и детскую пыжиковую шапочку, порыжевшую от времени.

— Мамочка, а чего ты заплакала? Еленя зарыдала пуще:

— Ничего-то ты, милый мой, не помнишь... Ничего-то ты не знаешь... В чулочках этих бегал ты когда-то на своих проворных ноженьках, бабочек ловил... Да как ещё бегал. А теперь... — Еленя захлёбывалась слезами.

Нет, Илька не помнил, как ходил и резвился на ножках. Но горестный рассказ о своей беде слышал не раз.

Приключилось это два года назад — летом тысяча девятьсот двадцатого года.

...Ильке в ту пору минуло три года. Мальчик был смышлёный, подвижный, говорливый. Соседи узнавали Ильку по голосу.

— Ях-я! — обычно извещал он о себе у закрытой двери.

Заслышав этот клич, люди спешили открыть.

— Ты на каком языке кричишь? — спрашивали его.

— На своём, — и мальчик показывал язык: — Во!

— Весь в папку, — смеялись взрослые.

Еленя в ту весну как-то отправилась на пристань продать пыжиковую шапку и взяла с собой Ильку, чтобы показать ему настоящий пароход. Шапкой заинтересовалась проезжая старуха. Костлявая, чернолицая, носатая — прямо баба-яга из сказки. Купить шапку не купила, а Еленню напугала чуть не до смерти. Уставилась колючими глазами на мальчика и сказала:

— Береги своё чадо. Могут сглазить...

— Ой, беда-беда! Тьфу, тьфу, тьфу! — всполошилась Еленя и заторопилась с сынишкой домой. Всю дорогу она причитала:

— Сохрани господи! Сохрани господи!..

Дома Еленя рассказала всем о страшной старухе. Но прошло время, и о ней забыли.

Как бывает после непогоды, рыба пошла, да так обильно, что рыбаки не успевали с её разделкой и засолкой. Братья решили вызвать на подсобу Еленню.

— Пускай и сынишку заберёт с собой, — велел передать Гриш. — Легче будет бабушке, а то у неё по два внучонка на колено.

Еленя с сыном на попутной калданке выехали вечером. Слегка штормило, но, по всем приметам, к ночи должно было непременно выведриться. Еленя была одета тепло: длинный сарафан, кофта с подкладом, шаль на голове, бахилы на ногах. Для летней поры даже чересчур. И Ильку она закутала в меховую малицу с пёстрой пыжиковой сорочкой поверху.

Всё же, когда отчалили от села да выплыли на речной простор, студёный северный ветер стал пробирать до костей. Волны белыми гребешками колотили о борта, качали калданку. Вечернее солнце пугливо выглядывало сквозь рваные облака, река казалась то рыжей, то оранжевой, как сок морошки, то тёмно-синей, под цвет ночного зимнего неба.

— Неужто не стихнет? — встревожилась Еленя

— Ничего. Доедем. Не впервой, — дымя костяной трубкой, успокоил её кормчий, бывалый рыбак-ханты.

А резкий холодный ветер дул всё сильнее. Грести становилось трудно. Лодка едва двигалась вперёд. Ветер, подхватывая брызги от вёсел, бросал их людям в лицо. Укрыться было нечем и негде. Приходилось терпеть и работать вёслами что есть мочи. Мальчик зябко ёжился, испуганно глядел по сторонам широко раскрытыми глазами. Одежда на людях и поклажа вымокли.

Волнение гребцов усилилось, когда показался Каменный мыс. Река в этом месте словно усеяна камнями. В тихую погоду их хорошо видно и за десяток саженей, а в непогоду можно вблизи не заметить и либо лодку разбить, либо перевернуться. Чтобы объехать опасное место, вырулили на середину реки. Но там бушевали волны. <

Геннадий Колотовкин

Медвежатники

Рассказ

Всей округе досаждал шатун. В поисках поживы бродил он по заимкам, деревням, лесным кордонам. Резал в худых хлевах овец, свиней, телят. Залезал и к нам во двор. Но ничего ему тут не досталось...

Я боялся за Маринку. Как бы бродяга её не изувечил. Приобрёл дочурке одноствольное ружьё. По мишеням бить с подставки научил. Стрельба навскидку получалась, правда, плохо: ружьишко всё же было ей тяжеловато. Я его запрятал в шкаф. Дочку ласково пытался успокоить:

— Подрастёшь — отдам...

Она играла во дворе: лепила снежных баб, каталась лихо с горки. Я сидел с двустволкой на крыше, зорко караулил Марину от медведя.

Приехал к нам Ерошка — лесник с Пекинского кордона но прозвищу «бочка с салом». Был он настолько толст, что на нём в объёме не сходилась длинный патронташ. Ерошка с усилием дышал.

— Знаешь, это, облаглел шатун. Нельзя из дома выйти. Того гляди, сомнёт. Знаешь, это, давай объединимся. Вдвоём мы выследим его.

Я насмешливо сказал Ерохе:

— Ты же медвежатник — справишься один. Сколько медведей уюкошил?

— Двадцать девять.

— Что стоит тридцатого прикокнуть?

Услышав про кордон, Маринка оживилась. У неё был свой, ребячий, интерес: с мальчишками поиграть. Антошка с Гошкой — в папу толстячки. Охотно брали девчонку в свою охотничью компанию. Собираясь к детям в гости, Маринка, засмушавшись, робко попросила:

— Дай мне ружьё...

Дружно сели в розвальни к Ерохе Серко нас рысью на кордон повёз. Маринка грызла сухую былинку. Я управлял конём. Лесник сидел с двустволкой начеку: вдруг выскочит шатун.

Завидев из окна подводу, Ерошкины мальчишки выбежали за калитку:

— Приехала Маринка!

Радуясь гостье, Антошка с Гошкой в шубёнках нараспашку вертелись около саней. Воинственно размахивали заточенными палками:

— Это наши пики!

— Это наши копьё!

Заколем шатуна! Их мать, под стать хозяину, немолодая и дебелая толстуха, открыв массивные ворота, заторопилась в дом

— Печку затоплю! — и с охапкой дров проворно «/крылась за скрипучей дверью.

Усадьба лесника напоминала долговременное укрепление. Бревенчатый заплот, как крепостной стеной, дом и постройки окружал. Тесовые ворота плотно закрывались на запоры. Дорожки были тщательно очищены от снега. Они вели к амбару и пригону, к бане и к колодцу. В углу двора заплот над узкой речкой опускался, как бы перегораживал её. Здесь косолапый и проделывал глубокие сквозные лазы. Лесник закладывал отверстия колодами. Шатун отпихивал их прочь, легко в усадьбу проникал.

Михаил Лесной

Яшка

Рассказ

Дело было в середине февраля. Отец мой тогда служил лесничим. Однажды, вернувшись из объезда своего участка, он вынул из-за пазухи малюсенького медвежоночка и сказал:

— Вот подарок нашего обходчика Глушкова. Ему удалось медведицу в берлоге убить, а это один из её трёх детёнышей!..

На вид этой живой игрушке было месяца полтора.

Медвежонок был с чёрненькой, немного вытянутой мордочкой, коротенький, толстенький, как обрубочек. Уши и хвост почти не были видны. Светло-шоколадная шубка его выглядела нарядно, а глазёнки — как две чёрные пуговицы, бегающие, живые и немного глуповатые. Движения его были неловкими и забавными.

Мы назвали медвежонка Яшкой. Первое время он жил на кухне. Его общество, кроме постоянно забавлявшихся с ним ребятишек, составляли кошка Мурка, вполне благонаправленная особа, ёжик Шило, живший под печкой, — плут, каких мало на свете, и иногда забегавшая со двора охотничья собака Леда.

Компания эта сдружилась, и все прекрасно понимали друг друга. Однако приятельские отношения не мешали кошке поедать Яшкин обед, Яшке — кошкн, а ежу Шило таскать кусочки буквально у всех. Только одна Леда не любила ни с кем делиться и держалась особняком.

Весной вся компания перебралась на просторный двор, обнесённый тесовым забором. Здесь расширился и круг Яшкиных знакомых. По двору бродила тучная свинья Хав-роша с вечно опущенным рылом, точно чем-то недовольная, сновал взад и вперёд глупый старый козёл Васька, легкомысленный искатель приключений, вертелась маленькая дворняжка Тобик.

Здесь же столкнулся Яшка и с беспокойными и хлопотливыми наседками, зорко охранявшими своих цыплят.

Была у нас примечательная курочка — необычайная драчунья, смелая и решительная. Когда что-нибудь угрожало её цыплятам, она, не задумываясь, набрасывалась на любого врага, хотя бы он был в десятки раз сильнее её. Мы эту курочку прозвали Выдрой, так как она готова была выдрать глаза каждому, кто коснётся её цыплят.

Однажды она важно разгуливала с цыплятами по двору. Тут же неподалёку бродил и Яшка. Казалось, всё было мирно и спокойно. Но стоило только неосторожному медвежонку безо всякого злого умысла подойти к цыплятам, как Выдра коршуном налетела на него. Яшка отчаянно завизжал и в панике подался в сторону цыплят. Тогда наседка ещё яростнее вцепилась в голову Яшки и стала бить его клювом, когтями, крыльями. Поднялся крик, вой. Во все стороны летели клочья шерсти. Спасаясь, медвежонок с визгом забился под брёвна и долго сидел там, пока все не успокоилось. После этой трёпки Яшка не только стал обходить Выдру, но как огня боялся даже её маленьких пушистых цыплят.

Когда Яшка бежал, то казалось, что катится футбольный мяч. Он был уморительно смешон, особенно когда ребята играли с ним в прятки. Набьют себе полные карманы корочек, сахара и конфет и пойдут на двор. Кто-нибудь уведёт медвежонка в коридор, а остальные попрячутся по разным углам: один — под навес, другой — в сарай, третий — за кучу соломы. Выйдет Яшка во двор, а из дальнего угла слышится:

— Я здесь, Яша!

Медвежонок изо всех сил бежит на голос. Но не успеет он добежать до места, как из другого конца двора доносится:

— Я здесь, Яша!

Яшка бросается в противоположную сторону. А в это время ещё кто-нибудь голос подаст:

— Я здесь, Яша!

Как угорелый носится медвежонок из стороны в сторону. Когда ему в конце концов удаётся отыскать кого-нибудь, он получает корочку, конфету или кусочек сахара. После такой забавы медвежонок буквально валится с ног от усталости, но

зато всё содержимое наших карманов неизменно поступало в его желудок. Вот почему он так любил эту игру.

Наша ласковая и приветливая Мурка жила с Яшкой душа в душу.

Весной у неё появились прехорошенькие котята — беленькие с серыми пятнами. У котят были наивные, все время удивлённые глазёнки.

Как-то раз Яшка направился к Муркиным детям: то ли хотел познакомиться с ними, то ли молочком полакомиться. Мурка, вытаращив глаза, встала поперёк дороги, выгнула спину, подняла хвост и зашипела, как бы говоря:

— Стой!

Яшка не обратил внимания на это предупреждение, видимо, понадеявшись на старую дружбу. Тогда Мурка, приняв ещё более угрожающую позу, вновь попыталась остановить медвежонка.

Видя, что Яшка продолжает двигаться к котятам, Мурка налетела на него, вцепилась в его спину и начала драть её когтями. Медвежонок бегаёт, визжит и не знает, что делать, а Мурка, сидя на его спине, так работает лапами, что только шерсть летит. Яшка без памяти бросился на лестницу, но второпях оступись и покатился кубарем вниз. Кошка с видом победительницы осталась наверху. А когда медвежонок поднялся, вся его мордочка была в крови и вид у него был до крайности жалкий и несчастный. Только теперь он, вероятно, понял, что материнская любовь сильнее дружбы.

* * *

Яшка быстро рос. Когда ему исполнилось полгода, характер его стал меняться. У медвежонка появилось со знание собственной силы, он стал раздражителен и дерзок. Всё бы ничего, да козёл Васька имел дурную привычку вплотную подходить к медвежонку во время еды и нагло трясти перед самым его носом своей бородой. Возможно, он хотел этим воинственным жестом испугать Яшку, чтобы завладеть его пищей, а может быть, делал это безо всякого злого умысла, у"

Пока медвежонок был маленьким, он терпеливо переносил все эти козлиные издевательства и делился с Васькой последним куском. Но теперь наглая бесцеремонность козла стала его сильно раздражать, а тем более перед обедом, когда особенно остро чувствовался голод. Как-то раз козёл был особенно назойлив. Яшка предупредил его несколькими косыми взглядами, сопровождая их глухим, но внушительным рычанием. Однако глупый козёл не понял этого намёка и бесцеремонно продолжал наступать на медвежонка, нахально потряхивая бородой.

Сдерживаться Яшка уже больше не мог и, уловив удобный момент, ударил козла лапой по морде. Тот отскочил и ещё пуще затряс головой, уже совсем не скрывая своего воинственного пыла. Затем, подскакивая, Васька стал наседать на медвежонка, намереваясь пустить в ход рога. Возмущённый Яшка снова дал козлу оплеуху, от которой у того помутилось в глазах. Утратив последние остатки благоразумия, козёл ударил Яшку рогами. Завязалась борьба. Злобно рыча, медвежонок вцепился в козла, ревел и драл его зубами и лапами. Летела шерсть. Васька кричал на всю улицу, точно с него сдирали кожу.

Драка всполошила всех: закудахтали куры, закричали утки, начала хрюкать, приподняв рыло, свинья, заливался злобным лаем маленький Тобик.

Когда драчунов разняли, Яшка ещё долго потряхивал ушибленной головой. Козёл же после этой драки остался совсем без бороды.

* * *

Михаил Лесной

Хищный цветок

Рассказ

К животным у меня была любовь с детства. И каких только зверюшек и птиц не перебывало у меня! Одни из них сменялись другими. Были у меня и кролики, и морские свинки, и белые мыши. Летом я почти всегда держал в коробочках различных гусениц. А однажды у меня «гостил» даже молодой журавль, для которого я приносил с ближнего болота лягушек.

Мне в то время было ясно, что животные питаются или растениями, или другими живыми существами. Жизнь же цветов и трав я считал совершенно иной, отличной от жизни животных. И если бы мне тогда сказали, что самое обыкновенное неподвижное растение может поймать и съесть какую-нибудь букашку, то мне это показалось бы невероятным.

Но такое растение я однажды увидел сам.

Как-то раз я пошёл на болото, чтобы наловить лягушек для своего журавля. И уже под конец «охоты», когда сел отдохнуть, моё внимание привлёк небольшой невзрачный цветок. На верхушке его стебелька была белая кисточка из мелких соцветий, а у корня — розетка из круглых листьев, покрытых красными волосками. На листьях блестели капельки прозрачной серебристой жидкости, похожие на росу.

Я сел на пенёк и стал есть бруснику. В это время на листок заинтересовавшего меня растения села золотистая мушка. Вот она ткнулась носиком в капельку «росы» и тотчас прилипла к листу. И чем сильнее она билась, тем всё больше прилипала. Тут я заметил, что реснички листа вдруг стали шевелиться и, точно щупальца, потянулись к бьющейся мушке. Их движение напоминало сгибание пальцев руки к ладони. Когда листок закрылся, насекомое оказалось в ловушке.

Цветок я принёс домой, посмотрел в определитель. Это была росянка.

Я узнал, что из волосков её листиков выделяется особый пищеварительный сок, который помогает переваривать добычу. Когда же реснички снова раскрываются, то на землю падает только пустая шкурка насекомого: цветок выпивает его кровь.

Попробовал «кормить» росянку кусочками варёного яйца. Реснички быстро изгибались, охватывали пищу и за двое суток переваривали её.

Как-то я захотел обмануть цветок: положил на его листки кусочек сахара, потом песчинку, затем немного чаю и крахмала. Но эти «блюда» растению не понравились. Щупальца почти не изогнулись, и пищеварительный сок не выделился.

Однажды я положил на краешек листа росянки кусочек мяса. И каково же было моё удивление, когда увидел, что щупальца цветка стали переносить его с края листа на середину. Признаюсь, мне стало немного не по себе, и я с облегчением подумал: «Как хорошо, что росянка такое маленькое растеньице!..».

Михаил Лесной

Памятная осень

Рассказ

Это было осенью. Все свои выходные дни я проводил на озёрах в окрестностях Ишима. Там я рыбачил, охотился и отдыхал, наблюдая жизнь природы.

Особенно любил смотреть на отлёт птиц. Часто и подолгу я любовался ими. Большинство пернатых совершает свой перелёт днём, а цапли, кулики, коростели и другие передвигаются почти всегда ночью.

Птицы летят на юг всегда по одним и тем же воздушным тропам, которые они знают хорошо. Вехами им служат реки, горные цепи, озёра, побережья морей, леса.

Большая часть птиц совершает свои путешествия стаями. Причём журавли летят углом, гуси — «верёвкой», скворцы — кучкой. Кукушки же, козодои, коростели и хищные птицы летят в одиночку.

Каждая птица знает срок своего отлёта. Первыми, ещё в августе, исчезают стрижи, затем ласточки и скворцы. Последними улетают некоторые породы уток. Они нередко летят уже под свист метели, когда замёрзли реки и озёра и вода осталась лишь в полыньях.

Но та памятная осень была необычной. Я охотился и рыбачил на озере Кислом. Погода стояла сухая и ясная. Пожелтевшие деревья ещё не облетели. В воздухе, блестя на солнце, продолжали летать осенние паутинки. Всё в природе шло, казалось, своим обычным порядком.

Однажды на рассвете разбудил меня товарищ: — Посмотри, что творится кругом! Я вышел из шалаша.

С севера на юг густо летели птицы. Они тянулись косяками, вереницами, треугольниками, лентами. Двигались торопливо, стая за стай, как будто старались обогнать друг друга. Летели казарки, лебеди, гуси, утки, журавли, кулики. Задержавшаяся птица тронулась как-то неожиданно, разом.

Стаи валили и ночью, и днём... Иногда эти птички «тучи» оседали на поля и на озёра, чтобы покормиться, а затем снова трогались в путь. В воздухе от них стояли непрерывный писк, крики, гоготанье, свист, кряканье, курлыкание... Казалось, будто сама природа вдруг ожила, задвигалась, заговорила... И эти звуки вызывали тоскливое, мучительное чувство, тревожили душу.

Отлёт, однако, продолжался недолго и оборвался так же неожиданно, как и начался, будто всё живое, кричавшее, двигавшееся, разом провалилось. В природе наступило молчание...

Стаи улетели, сразу же выпал снег, и установилась необычно ранняя и дружная зима. Птицы, видимо, почувствовали её приближение и поторопились с отлётом. Получилось по пословице: «Отлетевшая птица принесла на хвосте зиму».

Константин Лагунов

Тайна Чёрного озера *

Маленькая повесть

Два друга

Давно это случилось. В 1932 году...

В глухой сибирской деревушке Почекуйке жили да были два маленьких неразлучных друга — Семён и Прохор. Оба учились в одном классе. И жили по соседству, дом к дому.

** Отрывок из книги «Звезда Семёна Урусова».*

Главный геолог

Нефть — чёрная, маслянистая, пахучая жидкость. В воде она не тонет. Зато горит. И ещё как! Зачем она нужна людям?

Чтобы полетели самолёты, надо заправить их бензином или керосином, а бензин и керосин делают из нефти.

Двигатели тепловозов и теплоходов работают на дизельном топливе, а его тоже делают из нефти.

Автомобили и тракторы, экскаваторы и комбайны, бульдозеры и краны и все другие колёсные и гусеничные машины работают на горючем, которое также получают из нефти.

Из нефти можно сделать и материал для платьев и пальто, и игрушки, и воздушные шары, и... да много чего ещё можно сделать из нефти!

Но чтобы нефть добыть, её надо сперва найти. А она прячется глубоко под землёй, в огромных кремниевых пещерах.

Нефти тесно в подземных пещерах. Со всех сторон на неё грунтовые воды давят и природный газ теснит. А выскочить из пещеры некуда: ни дырочки, ни трещинки нет в её каменных стенах.

Эти подземные кладовые с нефтью можно отыскать и под морским дном. И под высокими горами. И под топкими болотами. И под дремучими лесами. Но где именно?

На этот вопрос могут ответить только геологи-нефте-разведчики.

Сперва они пробурят скважину в нужном месте. То есть просверлят землю до самой кремниевой пещеры, в которой таится нефть. Потом спустят трубу в отверстие. И по той трубе, подгоняемая водой и газом, нефть, как по лесенке, сама выскочит из-под земли.

Геологи-нефтеразведчики без усталости ходят по лесам и степям, по горам и болотам.

Ищут нефть.

В то время, о котором наш рассказ, самым главным геологом всей страны был академик Иван Михайлович Губкин, выдающийся учёный...

Губкин сидел в кабинете, медленно перечитывая свой доклад на сессии Академии наук СССР. В этом докладе академик снова призывал геологов-нефтеразведчиков идти за Урал, на Западно-Сибирскую низменность. Он был уверен, что в Сибири — богатейшие залежи нефти.

Отворилась дверь.

Вошла женщина с небольшим ящичком в руках. — Иван Михайлович, вам опять посылка.

Губкин оторвался от бумаг. Снял очки. Сощурился, оглядел ящичек. Вынул из него чёрную бутылку и письмо Семёна и Прохора.

— Те самые мальчики из Почекуйки, — улыбочиво сказала женщина.

— Проверьте, пожалуйста, — попросил академик, отдавая бутылку.

Через полчаса женщина вновь вошла к учёному.

— Это нефть, Иван Михайлович. Настоящая.

— Вот видите. Сколько мы уже получили таких посылок из Западной Сибири...

Губкин встал, подошёл к карте Советского Союза, занимающей всю стену кабинета. Долго, задумчиво вглядывался в переплетения рек, горных кряжей, железных дорог.

— Где же эта Почекуйка? Почекуйка... Это ведь...

— Возле Сургута, — подсказала помощница.

— Да-да, — раздумчиво согласился академик, — вот здесь примерно...

И он обвёл карандашом круг на карте, в центре которого находился древний сибирский город Сургут.

— Отсюда и начнём поиск сибирской нефти.

Первая экспедиция

Ночь. Непроницаемо чёрная и глухая, она опрокинулась на тайгу, залила редкие просветы между деревьями, подмяла голоса и запахи дневного леса. На таёжной полянке притулилась палатка. Постреливая искрами, лениво горит костерок.

Сторожко прядая ушами, похрустывают травой лошади.

«Уф-хо-хо! Ху-ха!..» — прокатилось над тайгой.

Это филин прокричал. Ночная вещая птица.

У костра склонился над записями Виктор Васильев — начальник геологической поисковой партии, посланной Губкиным в Сибирь.

У начальника борода и усы, тёмные круги под глазами, усталое лицо. Но всё равно видно, что начальник совсем молод. Он недавно окончил институт. Только-только начал работать. И как же счастлив был Васильев, когда ему, комсомольцу, начинающему геологу, Губкин доверил повести в Сибирь первую нефтеразведочную экспедицию.

...Из Москвы до Тюмени ехали поездом. От Тюмени до Сургута почти полмесяца плыли на стареньком колёсном парходике. Сперва по небольшой речке Туре, потом по могучему Иртышу, а после по самой полноводной сибирской реке — по Оби.

Сибиряки называют Обь матушкой, красавицей, кормилицей. И недаром. Тянется Обь от южного Казахстана до самого Ледовитого океана. Всё лето плывут по реке-труженице парходы и баржи с людьми и самыми разными грузами для охотников, лесорубов, оленеводов, живущих по берегам великой реки в тайге и тундре.

В Сургуте купили геологи четырёх лошадей, взяли в проводники старого охотника-манси Романа Конева.

Манси — немногочисленный таёжный народ. С незапамятных времен живут манси в тайге — ловят рыбу в озёрах и реках, промышляют зверя в лесу, собирают ягоды, кедровые орехи, грибы и целебные травы. Манси — смелые и меткие охотники. С одним ножом выходят они на медведя. А уж следопыта лучше манси и искать нечего. Идёт манси по тайге, смотрит по сторонам и знает, где куропатка ночевала в сугробе, как лиса за зайцем гонялась, почему лосю удалось от волков отбиться.

Таким следопытом-таежником и был проводник отряда геологов Роман Конев.

— Спешить надо, — сказал он Васильеву, — путь долгий. Шибко надо спешить.

И геологи ушли в тайгу.

Искатели

На следующий год, летом, привёл Виктор Васильев ещё одну геологическую экспедицию в приобскую тайгу. Были в той экспедиции люди разных профессий: и топографы, чтобы сделать точную карту нефтеносных районов; и геофизики, чтобы строение земной коры в этих местах изучить, угадать, где находятся подземные нефтяные моря. И буровики, чтобы к тем морям нефтяные скважины пробурить, по которым нефть из-под земли смогла бы на поверхность подняться.

С каждым годом все больше и больше геологов-неф-теразведчиков уходило в Сибирь. Только трудно было им справиться с вековой дремучей тайгой, одолеть бездонные топкие болота. Тогда ни вертолётов, ни тягачей-вездеходов не было в нашей стране. В Приобье не знали ни железной дороги, ни аэродромов. В сибирских сёлах не видели ещё ни автомобиля, ни трактора. В таёжных деревушках слухом не слыхали про телефон, радио, электричество. Вот и приходилось геологам все оборудование на лошадях перевозить. Буровые вышки строить из брёвен. Бурить вручную, на пятьдесят метров. А нефть-то, как потом оказалось, пряталась под землёй на глубине двух с половиной километров. И всё-таки отряд за отрядом каждое лето уходили в сибирскую тайгу геологи. Уже их стараниями создана была геологическая карта Западно-Сибирской низменности, уже...

И вдруг — война.

Сменили геологи парусиновые куртки на гимнастёрки, взяли в руки автоматы и пошли защищать Советское отечество от гитлеровских захватчиков. Вчерашние геологи стали разведчиками, артиллеристами, лётчиками, сапёрами. Ушёл снайпером на фронт старый охотник-манси Роман Конев. Ушли добровольцами и погибли в боях отец Семёна и отец Прохора.

...Кончилась Великая Отечественная война, и снова двинулись в сибирскую тайгу поисковые партии.

Юрий Вэлла

Перед закатом солнца

Стихотворение в прозе

—Сегодня комаров мало, наверное, олени наши далеко ушли.
—Не должны.
—Э, сынок, если тебе лень за ними идти, так помалкивал бы.
—Мне, бабушка, не лень, но ведь ты сам говорил: не человек пасёт оленя, а дымокур. Вот сейчас разведу дымокур...
—Умный! Какой умный!
—А что?
—А то, сынок, что твой дым ветром унесёт совсем не в ту сторону, куда олени сегодня ушли.
Бабушка шумно вздохнула, ни к кому не обращаясь:
— Ёх-хо-хо-хов! До каких я дней дожила? Сидят возле меня два лентяя, молодой да старый, и препираются — кому за оленями идти.

Юван Шесталов

Когда качало меня солнце

Главы из повести

...Я припоминаю старую сказку

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь — это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга чёрная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь — сам царь тайги, медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох, на каждой ветке — соболь. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их — что кедровых шишек. А в таёжной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таёжной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы весёлые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живёт.

А на опушке леса, на зелёной поляне — глухарина свадьба.

А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы — лебедя. Вечное лебединое «курлы-курлы» плывёт и плывёт не умолкая. А поднимаются утиные стаи в небо — солнце собой затмевают.

Много зверя в тайге, много рыбы в реке, много птицы в небе...

Радуются люди. Бьют птицу, бьют рыбу, бьют зверя.

Долго ли, коротко ли было так. Но однажды тайга дремучая будто помертвела. Сколько ни смотри, не оживёт дерево, не взмахнёт рогами, не помчится лосем. И коряга чёрная останется корягой. Увидишь пушистого соболя, подкрадешься ближе — мох пушистый на ветвях висит. А в таёжной речке нет озёр бобровых. И захламлённая ветвями речка, как болото, дышит прелой гнилью. И где уж плескаться рыбам!..

Замолчало небо. Будто с многострунного лебедя сорвали самую звонкую и живую струну...

И люди присмирели... Обуял их страх. Великий страх. Задрожали люди, чуя свою смерть.

Нина Ядне

Легенда о фамилиях

Из поколения в поколение передаётся эта легенда. Много тысяч лет назад жил один богатый старик. Жил он долго, но состарился и собрался умирать. Позвал он своих сыновей и сказал: «Дети мои, умираю. Мне жаль вас оставлять одних на белом свете!» Обращаясь к старшему сыну, молвил: «Я хочу, чтобы ты, любимый мой сын, здесь, на этих холмах, на этом мысу, где кочевали наши предки, стал

хозяином этих мест, этого сале (мыса), и фамилия тебе будет Салиндер («хозяин этих мест!»). Позвал второго сына и сказал: «Тебе отдаю большую часть своих оленей («нгока ты»). Фамилия отныне у тебя Нгокадэтта («многооленный»). Третьему сыну сказал: «Ты, сыночек, возмёшь себе только белых оленей («сэр ты»). Ты будешь Сэродэтта («белооленный»). Посмотрев на младшего сына, старик заплакал и сказал: «Жаль, но тебе ничего не осталось! Даю только один совет: ходи на своих ногах, тебе оленей не досталось, но ты сильный, что найдёшь в пути, то и будет твоё! Иди пешком! (яда хань)». И пошёл мой предок... пешком. И фамилию ему дали Ядне.

Еремей Айпин

Луна-Человек

Отрывок из повести «Я слушаю землю»

Жил Человек. Жил счастливо. Но его постоянно тянула дорога: хотелось поехать по Земле, посмотреть, что там, за дальним болотом, за дальним урманом, за дальней горой. Он загрустил. И жена, заметив его грусть, отпустила его, сказала: езжай. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал — увидел город. Остановил коня возле дома, вошёл в дом. Там жила женщина. Он остался с ней. Жил-жил, опять не стало покоя, опять позвала его дорога. И он сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал — снова увидел город. Вошёл в дом, в доме жила женщина. Он стал жить в этом городе. Но через некоторое время он снова пустился в путь. Долго ли ездил, коротко ли ездил — наконец сердце потянуло его в родной дом. Он повернул коня и поехал в сторону родного дома. Оказывается, он так долго ездил, что город, где жила его третья женщина, уже сровнялся с землёй, а земля заросла травой-кустарником. Только на месте дома был небольшой бугорок. Он остановил коня и стал ковырять носком этот бугорок. И неожиданно из бугорка выскочила его женщина. С криком: «Дорогой мой, иди ко мне!» — кинулась к нему. Он вскочил на коня и поскакал в сторону родного дома. Но женщина из потустороннего мира не отставала от всадника, с криком и воем неслась за ним по пятам. И когда он скакал мимо другого города, который тоже сровнялся уже с землёй, из бугорка на месте дома выскочила вторая женщина. Теперь обе женщины с воплями мчались за всадником. Хотя он гнал коня изо всех сил, конь летел галопом, но женщины настигали и уже тянули руки к хвосту коня. Тут показался родной дом. И он послал мысль вперёд — жене, первой, единственной: «Жена моя, спасай меня!» И та уловила его мысль и выскочила на улицу, схватила мужа за правую руку и ногу. Он не успел соскочить с коня. С другой стороны его схватили за руку и ногу преследовавшие женщины. И начали тянуть его в разные стороны: женщины — в одну, жена — в другую. Ни та, ни другая сторона не хотела уступать. И наконец разорвали Человека посередине. Две женщины со своей половиной с радостным визгом, хохотом и воем тут же ринулись прочь. И сгинули бесследно.

Жена Человека занесла свою половину в дом, скатала из того, что ей досталось, маленького ребенка, посадила его в люльку и стала качать, лелеять, растить. Ребёнок рос, вырастал, взрослел. Но взрослым он был всего три дня. Затем начинал убывать и превращаться в неразумного младенца. Она снова принималась качать его, лелеять, растить. И он вырастал за три дня. А затем все начиналось сначала. Жена качала его, лелеяла, растила днём и ночью. И, наконец, от усталости уже не могла поднять руки.

И тогда она сказала:

— Если бы мне досталась твоя половина с сердцем, я бы сделала из тебя Человека. Но мне досталась половина без сердца — я ничего не смогу сделать...

Она скатала шарик из того, что ей досталось, и вышла на улицу. И со словами:

— Я не смогла... Пусть тебя Небо растит и лелеет! — бросила шарик в Небо.

И шарик этот стал Луной. Сначала растёт, затем на три дня взрослеет, а после начинает убывать. И так из месяца в месяц, из года в год, из столетия в столетие. И люди уважительно стали называть его Стариком, а он стал освещать Землю по ночам.

А жена его... первая... единственная... которую он, быть может, недооценил сначала, не захотела жить на Земле без любимого Человека. Она ушла в Небо и стала Солнцем.

...Мне было до слез жаль Человека сказки. И, чтобы не разреветься, я долго молчал. А после потребовал у взрослых:

— Почему ей досталась половина без сердца? Скажите!.. Взрослые переглянулись между собой, помолчали, потом объяснили:

— Если бы ей досталась половина с сердцем, то не было бы сказки. Понимаешь?

Но я ничего не хотел понимать. Мне не нужна была сказка. Мне нужен был живой Человек, который жил бы рядом со мной на Земле. А взрослые этого не допускали...

Я много думал о Человеке пострадавшем. И однажды понял, что женщины мифа — это силы добра и зла. Эти силы непременно должны были столкнуться и, столкнувшись, разорвали Человека пополам. А впоследствии также понял и то, что в каждом человеке есть два начала — светлое и тёмное. С годами одно из них берет верх, и оставшуюся часть жизни человек живёт с этим цветом, и все его дела и помыслы идут уже по определенному руслу. Размышляя об этом, я все чаще думаю: кому достанется моё сердце? Светлому ли, тёмному ли началу?

Тим Мартышин

Кто лебедя убьёт...

Очерк

За день, проведённый в скрадке, Вадим не только не добыл хотя бы завалы чирка, но вообще не увидел ни одной утки.

Единственный день весенней охоты пропал.

«Больше начальство меня не отпустит. А там (велика ли неделя?) и охота закроется, — с горечью думал он. — Ну надо же так опростоволоситься!»

В начале июня солнце уже не закатывается за горизонт, так и катится над Полярным Уралом. Охотник взглянул на часы. Был час ночи.

То ли тепло от закатного солнца, то ли бессонная ночь были тому причиной, но Вадим задремал. Задремал, наверное, на минуту. Потому и не понял даже — во сне или наяву со стороны солнца прямо на него стремительно несутся две крупные птицы.

Механически, совершенно не задумываясь о последствиях, Вадим вскинул ружьё и выстрелил, почти не целясь.

Лебеди вздрогнули от выстрела и, немного свернув в сторону от опасности, продолжили полет.

Вадим опустил глаза, а когда поднял их снова, то... сердце у него остановилось.

Один лебедь, тот, что был намного крупнее, вдруг как будто ударился в невидимую стену, часто-часто замахал крыльями, потом сложил их и рухнул в мелкий ивняк на противоположный берег протоки.

— Нет! Нет! — в отчаянии закричал Вадим, словно хотел оправдать необдуманность своего поступка.

«Ну зачем? Зачем я стрелял?! — корил он себя. — Так, по глупости... Разве этому учил меня отец, когда брал на охоту? Как он называл-то их ласково:

лебёдка, лебёдушка. Даже в голодные годы войны никто в нашей деревне по лебедям не стрелял...».

В душу его в этот момент заполз настоящий страх. Вадим вспомнил народное поверье: кто убьёт лебедя, обязательно принесет несчастье себе или близким. Пристав к противоположному берегу, Вадим быстроотыскал жертву. Лебедь-кликун лежал, выгнув дугой красивую шею. Глаза его были закрыты. Вадим долго не смел притронуться к мертвой птице, сердце сжималось от боли и гнетущего чувства. »

«Надо хоть похоронить по-человечески», — подумал он и пошёл к лодке, чтобы взять лопату. Торопясь, он вырыл неглубокую ямку, подстелил сухой весенней травы. Быстро зарыл лебедя, срубил и поставил на холмик жёрдочку. Бегом бросился к лодке, дёрнул мотор и, втянув голову в плечи, не поднимая глаз, уплыл от этого страшного места.

...Конечно, это случайное стечение обстоятельств, но через месяц у Вадима умер отец.

Раиса Лыкосова

Просека

Рассказ

Лосёнок проснулся от утренней свежести. Мать-лосиха ещё спала. Влажный ветерок покачивал голые кусты, шевелил отсыревшие за ночь вороха палых листьев.

По небу протянулись красноватые полосы, и верхушки сосен затеплились. Лосиха проснулась, встала на ноги и, обнюхав лосёнка, лизнула его тёплым шершавым языком. Он поднялся, потянулся, разведя тоненькие длинные ножки, ткнулся мордочкой ей под брюхо.

На полуобнаженные осины, берёзы, черёмухи хлынул ливень света. Сильнее запахло прелой травой. Зачокали дрозды, щелкнула сорока, проворный поползень пробежал по стволу ольхи. Лоси направились в распадку к месту утреннего водопоя и кормёжки. Ручей, журчащий по дну ложбины, ещё недавно скрытый зарослями молодого малинника и крапивы, теперь просвечивал до рыжего галечника. Когда-то здесь текла река. Пожар оголил берега её. Река высохла, и на выжженном чёрном берегу осталось лишь несколько обгорелых деревьев да местами буйно пробивалась осиновая поросль. Лосиха наклонилась к воде длинную горбоносую морду и начала пить, фыркая и отдуваясь, чтобы отогнать плавающие листья. Серые бока её то опадали, то поднимались, будто огромные мехи. Лосёнок лениво пожевал незнакомую ветку и выпустил. Он уже знал, какие травы и стебли можно есть, знал, что каждая травинка и каждая ветка имеют свой запах и вкус. Особенно ему нравились остролистый кипрей, сочная осока и нежный ивняк. ./

На водопой лосиха вводила лосёнка далеко от стойбища. Вода в ручье была чище, чем в озере, на берегу которого в светлом ольшанике жили лоси. Обратный лосёнок шёл впереди и сам находил дорогу. Ещё издали различал среди многочисленных лесных запахов родной, устоявшийся запах, ольхи, багульника, пропахшей лосиным потом земли. Здесь всегда пахло свежестью. И утром, когда озеро дымилось, и в полуденную жару. Недавно на мшистых кочках он нашёл незнакомые красные ягоды, но они оказались кислыми и невкусными.

В это день в жизни лосёнка произошло нечто необычное.

После водопоя лосиха лакомилась палыми листьями, выбирая их тут же, в ручье. Лосёнок, привалившись к сухой краснокорой ольхе, почёсывал спину. Вдруг лосиха подняла голову и насторожила длинные уши. Неясный незнакомый шум заставил вздрогнуть и лосёнка. Ничего не понимая, он посмотрел на мать.

Тёмные глаза лосихи застыли в тревожном ожидании, уши чуть заметно вздрагивали. И вот отчётливо слышались звонкие удары и монотонный неприятный визг. Звери осторожно поднялись из лощины. За несколько часов знакомый лес изменился. В бледном небе неярко светило солнце, а высокая лесная гряда густо дымилась, как по утрам дымится болото. Между зелёными соснами плясали оранжевые языки костров. Рычали машины, гулко, со стоном падали разлапистые деревья.

«Люди? Зачем они здесь?!» — встревожилась лосиха. С тех пор как вожак увёл их стадо далеко от селений, она не видела людей.

Спустившись вниз по ручью в глухую урему, лоси целый день прислушивались к новым звукам. Несколько дней они ждали, когда уйдут люди. Но тайга все больше наполнялась голосами, запахами машин и горелого леса.

Однажды все стихло. Звери хорошо знали, что и в тишине таится опасность. Насторожённо прислушиваясь, вышли из лощины. Лосёнок остался лежать в густом ельнике. Поднявшееся солнце заглянуло в тенистый ельник. Лосёнку захотелось есть. Он встал и пошёл к ручью. Увидев ивовый куст, остановился. Быстро забирая мягкими губами молодые побеги, потянулся за веткой. Но внимание его привлек новый неприятный звук.

Лосёнок, подняв голову и насторожив тонкие уши, прислушался. Привычно шумела тайга. А новый звук нарастал. Все отчетливее, все громче.

Тах-тах-тах-тах! Тах-тах-тах-тах! Гул стремительно приближался. Казалось, он шёл откуда-то сверху. Лосёнок высоко задрал голову, но небо было чистым, лишь неярко светило солнце,плыли редкие облака да парил ястреб.

Подул ветер. Сильная струя воздуха, нахлынув, толкнула лосёнка в бок. Он выскочил на поляну. И тут его накрыла тень большой птицы. Лосёнок, жалобно фыркнув, понёсся вперёд через кусты и поляны. Не отставая, тарахтя и снижаясь, птица неслась за ним. От сильного ветра волнами качался ивняк, клонились к земле молодые осинки. Но вот в глаза бросились тёмные пятна воды, бурые в красных ягодах кочки. На какое-то мгновение лосёнок смешался, сбавил скорость и тут же пошёл махать прыжками с кочки на кочку. Впереди ослепительно блеснула тёмная полынья, прыжок — и задние ноги его провалились в холодную липкую жижу. Почувствовав под брюхом твёрдую кочку, лосёнок инстинктивно вытянулся. Теперь его оглушила тишина. Уловив за спиной шорох, дёрнулся, сделал усилие, чтобы подняться, тонкие ноги его ещё больше увязли. Лосёнок жалобно фыркнул, насторожил уши, сился различить в этом шорохе знакомые шаги матери. Зашумели кусты, и он увидел людей. Их было двое: маленький и большой. И они приближались. Лосёнок дёрнулся несколько раз и замер, какая-то сила цепко держала его ноги. \

— Руби ольху, Вася. Да не спугни, враз засосет.

Послышался стук топора. Лосёнок беспокойно завожился, вздрагивая и озираясь. Вдруг рядом, почти у самого уха его, что-то хлопнуло, и лосёнка обдало грязной водой. Он снова дёрнулся, чтобы вскочить, и почувствовал, как кто-то гладит и приподнимает его.

От страха лосёнок мало что понимал. Он только дрожал и зябко поводил ушами. Вот что-то стянуло его по животу и спине, сильным рывком выхватило из трясины.

Почувствовав твёрдую землю, лосёнок попытался подняться, ноги не слушались.

—Бедняга, куда запоролся, — наклонившись над ним, большой улыбнулся и начал очищать с него еловыми ветками грязь. Маленький тоже вертелся тут. Он гладил лосёнку голову, толкал в рот что-то мягкое, по запаху, кажется, вкусное.

Лосёнок успокоился, понюхал лежащие на ладони маленькие кусочки, забирая губами, начал их есть.

— Смешной ты, однако. Голова рыжая, ноги рыжие, а сам серый. Один по тайге бродишь, — глядя лосёнка, снова проговорил большой.

— Давайте возьмем его, Михаил Евгеньевич. Топтыгин вчера на заре прямо к палаткам пожаловал. Пропадет малый без матери.

— Стоп, Василий! Похоже, лосиха сквозь чашу ломится.

Тревожно всхрапывая, словно предупреждая лосёнка об опасности, на поляну выскочила лосиха. Насторожённо вскинула голову, остановилась, часто дыша. Длинные уши её вытянулись, чутко и жадно ловя звуки.

— Василий, пошли! Неровен час саданет копытом.

— Да уж будь здоров, припечатает, — люди, тихо переговариваясь, скрылись в кустах. Лосиха почему-то выжидала. Тогда лосёнок сам, медленно переступая тонкими мокрыми ногами, направился к ней.

Мать застыла на месте и, широко раздувая ноздри, уставилась на него большими тёмными глазами. Потом подошла, легонько толкнула головой, начала лизать его мокрые бока и ноги.

Шли дни, голоса и грохот все больше наполняли тайгу. Рычали машины, стонали и падали деревья. Над голыми полянами торчали жёлтые пни, стояли белёсые столбы дыма. Голоса людей и рычание машин откатывались все дальше и дальше, туда, где зубчатые вершины сосен упирались в серое осеннее небо. На месте тёмной лесной гряды теперь молчаливо светлела широкая просека.

Лоси всем стадом ушли с озера. Часто меняли места

И вожак повёл стадо дальше на Север.

Лес заметно менялся. Сосны и кустарник исчезали. Реже встречалась ольха. Чаще стали попадать озера и пустоши.

И этот лес не был похож на прежний. Зелёные кроны тонких ёлок и пихт начинались высоко над землёй. Голые стволы корявились сучьями и кривились. Чаще их покрывал седой бородатый лишайник. Вывороченные бурей с корнями или сваленные ветром сгнившие деревья, заметённые снегом, образовали высокие глухие завалы. Снежный покров становился все выше, морозы усиливались. Трудно было передвигаться по такому лесу даже лосям.

Потом наступили сильные холода. По ночам треск лопнувшего дерева громом рвал стылую тишину. В мо-лочно-дымчатом небе плавало тройное солнце. В такие дни лоси грелись постоянной едой. Грубая пища, кора и побеги тала плохо насыщали зверей. Лоси ослабли, крутые бока их ввалились. Особенно трудно перенесла переход серая большая лосиха, мать молодого рыжеголового рогача, и несколько поздних лосят. Старая лосиха храпела и кашляла, тяжело поднималась по утрам. Иногда подолгу стояла или лежала на одном месте, и тогда тёмные большие глаза её равнодушно смотрели на кусты и деревья, на снег, на стадо и даже на молодого рогача, её сына. По утрам, когда стадо уходило в поисках пищи, старая лосиха насторожённо поднимала голову, вслушивалась в удаляющиеся шаги. И тяжело вздыхала. Иногда рыжеголовый не выдерживал её грустного взгляда и, отойдя на некоторое расстояние со стадом, поворачивал обратно, возвращался к матери. Заметив его, она радостно поднимала голову и косила взглядом. Он делал круги около стойбища, выискивая редкие необъеденные ветки кустов. Найдя необглоданный куст, весело фыркал, поворачивал могучую красивую голову и долго смотрел на мать, пока она, тяжело переступая опухшими в суставах ногами, не подходила к нему и не начинала жевать побеги.

Прошла зима, а звери все шли и шли. Трудно найти в таком лесу постоянное место для стойбища. Перекочёвывая, лоси меняли места стоянок.

Весной вытаяло множество озёр и болот. Мёртвые деревья зарастали травой, мхом, лишайником, годами разлагались в застойной ржавой воде. Пропитанный гнилыми испарениями воздух был тяжёлым и влажным.

Иногда звери заходили далеко на север. Так, однажды они увидели голую равнину, где все казалось необычным для лесных хозяев: редкие островки леса, многочисленные озера и бесконечный день.

В кривых низкорослых деревьях трудно было узнать родные берёзы и ели. Куда-то исчезли ночи. Солнце лишь опускалось к горизонту и, не коснувшись его, опять ползло вверх. И его холодный жёлтый свет разбавлял сероватые сумерки равнины, поблёскивая на камнях-голышах, обнажая тёмные пятна озёр и редкие стволы чахлах деревьев. "V-

Умерла старая лосиха летним днём на топком, грязном, размытом дождями берегу озера. Когда звери уходили с озера, лосиха, согнув ноги в коленях и подбирая их под себя, попробовала подняться, но не смогла.

Ережей Айтин

Две судьбы

Отрывок из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари»

...В командировках Кровавый Глаз (начальник милиции) любил развлечения. Одна его «игра» называлась «Стрижка шамана», или «Тир». Когда он вёз в райцентр старика Ефрема, родного брата отца Демьяна, на окраине домашнего бора, на Песчаном озере перед речушкой Нёх, приказал остановить упряжки. Он поставил старика Ефрема посреди озера, медленно вытащил пистолет, сдул налипшие на ствол шерстинки, деловито заглянул в дуло, молча отступил на несколько шагов, повернулся полубоком, как на дуэли, и не спеша начал поднимать своё оружие.

Стало тихо.

Казалось, и олени затаили дыхание; Каюры замерли у своих нарт. Грохнул выстрел.

Старик Ефрем стоял на своём месте. К его ногам замедленно оседали в морозном воздухе шерстинки с капюшона кумыша, срезанные пулей.

Эхо выстрела покатилося по снегам озера и затерялось бесследно в борových соснах.

Пропало эхо — и снова тишина.

Грохнул второй выстрел.

С капюшона старика опять посыпались шерстинки.

Укатилось эхо вдаль.

Выстрел — пучок шерсти с капюшона.

Так он стриг капюшон старика Ефрема.

Одной обоймой он остриг капюшон во всех сторон, только шерсть летела.

Когда кончилась обойма, он вытащил пачку патронов и, заряжая пистолет, подошёл к старику, самодовольно ухмыльнувшись, сказал:

— Ну, благодари мою руку и глаз. Старик стоял неподвижно.

— Никак кондрашка тебяхватила? Дар речи потерял?! Старик всё молчал.

— Аль язык откусил? Не желаешь со мной поговорить?

Пауза.

— То-то... Это тебе не с богами шашни разводить! Понял теперь, у кого сила-то?!

Лицо старика было совершенно неподвижным.

— Почему не молишь пощады? Почему не кричишь? Не падаешь к ногам? Почему? Неужели в тебе нет страха, а?!

—Твой ум дальше большого пальца твоей ноги не ходит, — тихо сказал старик Ефрем.

—Почему? — встрепенулся Кровавый Глаз.

—Моё дыхание в руках Нум Торыма. — Старик чуть заметно кивнул на небо. — Мне шестой десяток. Я пожил. И если мне суждено умереть на этом месте от твоей руки, я не сделаю ни одного шага. Я умру тут. И никто и ничто мне не поможет. Никто не спасёт. Даже ты... Но если у меня ещё есть жизненные дни, ты не возьмёшь моё дыхание. Ничего со мной не сделаешь, хочешь этого или не хочешь. Я буду жить.

—При чём тут мой ум?

— А ты этого не можешь понять... — сказал старик. Гробовое молчание.

Старик Ефрем тогда ещё не знал, что через два года вернётся домой, что станет старцем Реки и разменяет первую сотню, что он один из немногих, кому на много лет суждено пережить своего мучителя...

Юрий Вэлла

Шай-ики

Рассказ

Сосны бежали по обе стороны дороги, как сказочные олени, цепляющие рогами небо. Раздавалась звонкая песня полозьев в морозной стыни. Клубы пара вырывались из ноздрей оленей, и словно белое облако стелилось над дорогой. Звенел в воздухе стук копыт и окрик человека, погоняющего упряжку.

Мы ехали на водораздел охотиться за песцом, за белкой и за диким оленем. Водораздел — это «спина Земли», так говорят наши старики, это граница тундры и тайги, это начало двух рек.

Дорога длинная. По ней в старину ездили ненцы и ханты за продуктами и за порохом к сургутским купцам. По этой дороге ездили друг к другу жители двух округов, и в пути рождались ненецкие и хантыйские песни и сказки. Но чаще всех ездит здесь Шай-ики. Потому что его моховая изба — жилище из колотых досок, утеплённое мхом, — стоит возле самой дороги.

Шай — по-хантыйски и по-ненецки — чай, а ики — мужик. Прозвали его так за то, что он любит пить очень крепкий чай. Если кто-нибудь, едущий на водораздел или обратно, заглянет к нему, не уедет он от Шай-ики, не отведав крепкого душистого чая, копчёной рыбы — пин-тэра, острой мороженой брусники и клюквы, не выслушав множества сказок и песен. Много знает Шай-ики хантыйских и ненецких загадок и головоломок. Проезжающим он устраивает интересные состязания для ума.

Три ночи мы провели под звёздным небом, бросив под себя на кучу лапника олени шкуры и укрывшись поверх кумышей морозным эхом. Шесть раз вспыхивал наш походный костёр, подогревая нам завтрак и ужин. Три раза мы распрягали оленей и три раза вновь запрягали их в дорогу. И вот к концу четвёртого дня наши олени почуяли запах стойбища и ускорили шаг.

Жильё Шай-ики, огороженное оградой из жердей, куда по утрам загоняют оленей, стояло в густом сосняке. Сам моховый дом казался снежным холмом среди высоких

сосен, а позади возвышался на четырёх ножках с зарубинами большой крепкий лабаз. Возле зимовья ровными рядами стояли нарты, каждая из которых имеет своё название и назначение. С краю поставлена мужская повседневная рабочая нарта. Следующая за ней — для выезда в гости, в посёлок сдавать пушнину или для участия в состязаниях. Упряжь её отделана резными костяными украшениями. Она стройная, высокая, аккуратная. В её очертаниях словно звучали весёлая

праздничная песня охотника и звучные крики погони на соревнованиях. И я почувствовал голос нарты: «Садись, прокачу!».

С другого края стояли две женские нарты. Сделаны они попроще, но обе прочные, устойчивые, ходкие. А когда я глянул на следующую, тоже женскую, я чуть не ахнул. Два передка её — словно пара первых весенних лебедей, тревожно вглядывающаяся в снежную круговерть капризного северного мая. Четырнадцать ножек из прочной берёзы — тонкие, стройные, похожие на ножки молоденьких оленят. Впереди две поперечины — выгнутые спины двух соболей. Мне захотелось подойти и погладить их ладонью. Нарта была застелена белой, как туман, оленьей шкурой. На ней должна сидеть только красавица. И тогда, кажется, нарта сама, без оленей, способна сорваться с места и унести в лесотундру вслед за вьюгой. Попробуй догони!

Рядом с девичьей нартой хозяйственные шипу, нгут-ту, пйкан выглядели убогими и неуклюжими.

Над моховой избой высоко в небо столбом поднимался дым и летели искры. Мы распрягли оленей, вошли в жильё. Чай уже готов. Нас садят за стол, и начинается обычный традиционный разговор.

—Как там народ поживает?

—Да ничего, помаленьку живут.

—Пусть будет полным их счастье! А как люди в низовье реки?

—Да вроде плохой вести не слышно было.

—А что нового в магазине?

—Печки жестяные привезли на самолёте, очень удобные для кочевья, маленькие охотничьи топоры, которые заказывали осенью, кожу-юфть для оленьих упряжей и для пошива осенней обуви. А ещё привезли нарядные женские шали..

— Надо бы наведаться в посёлок, давно там не гостили. Пора пополнить запасы продуктов...

Семья Шай-ики большая, но с родителями жила только одна дочь Аринэ. В прошлом году, говорят, приезжали к ним сваты, но она не уехала, то ли по собственной воле, то ли из-за родителей. Я взглянул в левый дальний угол и встретился с её глазами. Щёки её вспыхнули, как две спелые клюквины. Сердце моё не по моей воле часто забилося...

Лица моих друзей стали розовыми от выпитого, от тепла, на них играли блики пламени огня чувала — открытой хантыйской печи. Шай-ики повеселел, начал шутить. Жена его, крепкая, подвижная женщина, освобождала от чешуи очередную шуку для строганины. Лёгкие руки Аринэ разливали по чашкам горячий душистый чай, подкладывали ровные ломти хлеба, которые впитали в себя жаркий дух глиняной печки. Я представлял, я видел, как её проворные пальцы собирали эту клюкву, которая искрилась сейчас и алела в белой эмалированной миске. Я выбрал самую крупную ягоду и долго катал, грел её между губами...

Уставшие после долгой дороги, мои товарищи быстро заснули. Шай-ики долго, негромко, протяжно пел песни. Жена немного ворчала. Они изредка переговаривались между словами песен охотника.

—Эй, имей, завтра наши гости будут, наверное, отдыхать у нас, у них олени устали, — говорил хозяин.

—Ну конечно, куда им спешить, успеют ещё доехать, пока посильный снег для оленей.

—Сколько у нас мяса осталось?

—Мало, икей. Всего на один маломальский обед.

—Которого бы оленя нам забить?

—Ну конечно, сына Бурундучихи, — отвечала хозяйка.

—Эй, имей, жадность в роду твоих родителей всегда презиралась. У третьего сына Турпанихи и мясо мягче, и жирку побольше.

—Смотри, икей, ты хозяин, тебе и решать. Только не говори потом, что тебе ездить на дальние угодья не на тем. Ведь сын Турпанихи уже начал ходить в упряжке.

—Ничего, имей, у нас их пока ещё хватит, чтобы ездить каждый день на отдохнувших оленях. Когда-то к нам адё гости придут?!

И он снова запел песню. В ней говорилось о вороне, который выклевал быку глаза, о шуке, которая обманула человека, и о чудовище, поскользнувшемся на мокрой от слизи доске, на которой разделявали рыбу.

Я засыпал. Моё тело, измученное непривычной дорогой, отдыхало в тепле. Было бездумно, но хотелось чего-то. Как-то не мог понять, чего же это мне не хватало? Мысль кружила где-то рядом. Она завладевала мной и отступала, не зацепившись. Так я и заснул.

Ночью проснулся от холода. Сквозь окно на потолке на меня ласково смотрели звёзды, словно тихо, но настойчиво говоря: «Спи, спи, спи...», а сами невидимыми колюче-холодными пальцами прощупывали мои ноги и все тело. Возле ног у меня лежал женский лебяжий тянт. Я натянул его на себя и уткнулся носом в выдровый воротник. Мне стало уютно и тепло. В голове шевельнулась догадка: «Наверное, она положила». И я снова провалился в сон...

А назавтра новый день радовал душу охотника. За ночь выпала тонкая плёнка пороши, которая нетронутой свежестью лежала на нартах, на подволоках — лыжах, подклеенных шкурами, — на наших вчерашних следах. Страхнув с верхней жердины ограды снег, взлетела на ветку ближайшей сосны звонкая сорока. Над стойбищем клубился белый, словно живой, пар и садился на ближние ветви пушистым инеем.

Но одна нарта, рабочая нарта Шай-ики, была выдернута из общего ряда и ярким контрастом выделялась среди других присыпанных. Снег с неё был сметён, а упряжь лежала на снегу, ожидая оленей. От нарты в лес тянулась свежая лыжня, поверх которой виднелся тоненький непрерывающийся след. Это сзади волочился юркий кончик тынзяна—хозяин ушёл за оленями на пастбище — каём.

С появлением оленей зимний лес словно ожил. Словно всё вокруг — изба, ограда и деревья — пришло в движение.

Хозяйка вышла из двери с мешочком, стала кормить оленей крошеной сушёной рыбой. Олени сразу окружили её со всех сторон. Она приговаривала: (У— Эй, Бурундучиха, я ж тебя покормила, отойди, дай

Иногда он шёл прямо по оленьей дороге, подминая и разбивая её стальными гусеницами. Многие деревца, стоявшие вдоль зимника, он подмял под себя, и теперь они, обломанные, израненные, без сучьев, с ободранной корой, торчали из машинного следа. По такой колее нарты шли тяжело. Они переваливались с одной гусеничной борозды на другую. Мои товарищи переругивались, используя русские выражения в смеси с ненецкими и хантыйскими. Случалось, какая-нибудь нарта с вещами опрокидывалась. Мы ставили её на дорогу, перевязывали вещи и снова ехали дальше. Шай-ики терпеливо молчал, но потом и он начал ворчать. Иногда он даже корил себя за то, что поехал не на рабочей, более устойчивой, нарте.

На крутом спуске возле реки Вампуты нарта нашего Шай-ики ударилась о свежий сломанный пенёк. Старик улетел в сугроб. Олени испугались, рванули в другую сторону. Нарту кинуло во вторую колею, и там, зацепившись за сломанную мёрзлую берёзу, с хрустом выдрало с одной стороны две задние ножки.

Старый охотник, выбравшись на дорогу, растерянный, стоял у повреждённой нарты. Он даже попытался посмеяться над своей неловкостью, но это не получилось. Шай-ики перебирал в руках обломки ножек и тихо и беззлобно, как самому себе, говорил вдогонку стальной машине:

— Неужели человек, работающий в Ыспичиции, не мог сообразить, что мне по разбитой им дороге будет тяжело ехать? Неужели он не мог пустить свою железную нарту стороной, чтобы не ломать санный след? Неужели теперь так всегда и будет?

Шай-ики, сгорбившись, присел на корточки и бесполезно примеривал обломки на место, а в морщинах под глазами блестели две капли, которые жгли и меня...

Прошло несколько лет.

В один из последних мартовских дней мы — актив про-мохототделения — заседали в просторном кабинете управляющего. Подводили итоги закончившегося охотничьего сезона и намечали план завтрашнего праздника — районного слёта рыбаков, охотников и оленеводов.

Пока мои товарищи обсуждали, как и чем премировать лучших промысловиков, я заглянул в отчёт молодого, недавно работающего у нас охотоведа. И вот что там вычитал:

«...За три дня полётов на вертолёте вдоль водораздела и прилегающей местности в районе новых нефтяных месторождений мною обнаружено всего одно стадо диких северных оленей, насчитывающее семь голов. Из них четыре особи женского пола. В этом районе никто из местных жителей давно уже не живёт, поэтому я исключаю возможность нахождения здесь домашних оленей...».

Рядом со мной сидел пожилой ненец-охотник Аули. Когда заседание закончилось, я показал ему отчёт молодого охотоведа.

— Однажды, помнишь, мы охотились на вершине рек Вать-егана, Вампуты и Вынгапура? — заговорил Аули.— Там, на чистом болоте, посреди тундры, лежащей на самой Спине Земли, на наших глазах соединились два стада диких оленей. В каждом из них было голов по триста. Мне не хочется верить, что из этих оленей осталось всего семь... Ты же знаешь, что диких оленей наши предки называли Добычей Для Счастья. О какой же добыче теперь нам мечтать?..

А в это время на крыльце конторы, щуря глаза от яркого весеннего солнца, сидел совершенно седой, но с бронзовым от загара лицом старик и что-то весёлое рассказывал окружившим его молодым охотникам, собравшимся на свой традиционный слёт. А на коленях у старика беспокойно крутился бойкий узкоглазый мальчуган — мой младший. Запрокинув голову, разинув рот, он преданно глядел в лицо деда снизу вверх...

В последние годы старому охотнику не повезло. Под его родовыми угодьями было открыто месторождение нефти, и оказалось, что проектировщики одну из буровых запланировали как раз в той точке, где находилась его моховая изба. Старик долго отказывался уезжать... Но это уже другой рассказ. Хочу только добавить, что сейчас он живёт в посёлке в благоустроенном доме, построенном шефами-нефтяниками. Но осенью, когда выпадает первый снег, старый охотник подолгу молча стоит лицом на север и глядит-глядит в сторону своих родных угодий. Все знают, что в этот миг к нему подходить нельзя.

Ты, читатель, конечно, догадался, что этот седой старик и есть мой тесть. Мне так захотелось назвать его именем героя моего рассказа, но... Шай-ики мной выдуман, человека по имени Шай-ики нет.

Конечно, жаль, что нет человека с таким именем. Но меня всегда окружали люди с похожими именами: Чачи-ики, Кошпи-ики, Пахки-ики, Ньюрох-ики, Андри-ики... И я благодарю судьбу за то, что вокруг меня и сейчас живут люди, чьи поступки, черты характера, чьи мысли и эпизоды жизни составляют вместе одно

целое — моего Шай-ики. Конечно, немного грустно, что этого человека нет. Но, когда я разговариваю со своими земляками, я говорю со своим Шай-ики — человеком старшего поколения, у которого я учусь житейским навыкам, трудолюбию, искренности, веселью, щедрости души, любви к родной земле.

И есть у меня просьба к тебе, читатель. Можно сказать, личная просьба.

Жизнь моих земляков резко изменилась с началом нефтяных разработок. Оленеводы и охотники лишились многих ягельных пастбищ и охотничьих угодий. Из-за чьей-то халатности погибают водоёмы-живуны и задыхается рыба... Горький вопрос: «Неужели теперь так всегда и будет?» — я не раз слышал от своих земляков. И хочется, чтобы вы, приехавшие осваивать богатства недр Севера, не забывали о том, что здесь всегда жили и живут коренные обитатели — люди, жизнь которых, как и всех нас, зависит от целостности и благополучия природы.

-

Владимир Волковец

Зимний посёлок

После оттепели долгой
В середине февраля
Стужей солнечной и колкой
Расхвоило тополя.

День морозен и недолог.
В белых думах о весне
Задремал лесной посёлок
От дороги в стороне.

А дорога в синей стыни
Гонит «КрАЗы», грохоча,
И посёлок в тёплом дыме
Как дыханье у плеча.